

Юлия Кузнецова

Первая работа испания

КомпасГид
издательский дом

Первая работа

Юлия Кузнецова

Первая работа. Испания

ИД "КомпасГид"

2017

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Кузнецова Ю. Н.

Первая работа. Испания / Ю. Н. Кузнецова — ИД "КомпасГид",
2017 — (Первая работа)

ISBN 978-5-00083-183-0

Есть в самом уже слове «Барселона» какая-то лёгкость, игривость, есть в нём и что-то вдохновляющее. Три недели языковых курсов в столице испанской Каталонии обещают Маше Молочниковой многое, но прежде всего — новый, уникальный опыт. «Первая работа. Испания» — увлекательный летний роман, в котором героиня оказывается в исключительно необычных обстоятельствах. Машу ждут занятия испанским языком, очень разные сокурсники и совсем не похожие на её обычных учителей преподаватели. Пятнадцатилетняя героиня ко всему готова: грамматику повторила, в рюкзаке — книжка про Гауди, голова полна планов. Но как её встретит незнакомый город? Какой будет хозяйка квартиры, где ей предстоит жить? Удастся ли девушке почувствовать себя взрослой и самостоятельной? Как долго тянулся предыдущий год! Целых десять месяцев Маша грезилась о Барселоне, и вот — мечта сбылась. Чего ей стоила эта поездка, читатель знает из первой книги трилогии: быть репетитором у непоседливой Даны — то ещё удовольствие! Барселона тоже подготовила для Маши немало сюрпризов и... испытаний. Неуверенность в себе, страх заблудиться, тяжёлое погружение в языковую среду, взбалмошная спутница Марина, удивительные испанские знакомства, предложения поразительнее некуда — не путешествие, а проверка на прочность! Вторая часть трилогии «Первая работа», с одной стороны, независима от предыдущей книги, с другой — по-новому раскрывает характер главной героини. Автор, Юлия Кузнецова, лауреат премий «Заветная мечта», «Книгуру» и Международной детской премии им. В. П. Крапивина, как всегда, ставит героев перед непростыми задачами и требует, чтобы они решали их своими силами. И выходит, как сказали бы в Испании, maravilloso — превосходно!

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-183-0

© Кузнецова Ю. Н., 2017

© ИД "КомпасГид", 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юлия Кузнецова Первая работа. Испания

Глава 1

Марина

Аэропорт меня оглушил.

Люди кричали друг на друга, переговаривались по мобильным телефонам, спорили, возмущались, шумно радовались. Кто-то плакал, кто-то махал зонтиком, привлекая к себе внимание, а вокруг скамеек с визгом носились маленькие дети. Прямо передо мной, сигналив, проехал дяденька на машине-полотёре, а справа гудел аппарат, который с треском заворачивал чемоданы в синюю плёнку.

Я потёрла уши. Как шумно... Особенно после папиного автомобиля. Мы доехали до аэропорта в полной тишине.

«Странно, – подумала я, – папа всегда включает „Авторadio“, которое я терпеть не могу, или мамино любимое „Монте-Карло“. А сегодня забыл!»

Я обернулась на родителей. Мама шагала по натёртому до блеска полу с таким независимым видом, словно работала тут, в аэропорту. Но я видела, как судорожно она прижимала к груди сумочку, как побелели костяшки её пальцев и как шевелятся у неё губы. Мама повторяла: «Одна, совсем одна, так далеко! Одна, совсем одна!» Как греческий хор из античной трагедии.

Папа, внешне спокойный, катил мой чемодан. Но раз он забыл включить музыку, то волнуется больше мамино.

Папа боится высоты. Он летал когда-то в юности к родственникам в Севастополь. Самолёт попался крошечный, и его здорово трясло всю дорогу. С тех пор папа ездит только на поезде, а ещё лучше – на машине. Маме стоило больших трудов уговорить его на поездку в Испанию, когда я была маленькая. В самолёте он так волновался, что даже принял снотворное. Теперь он волнуется за меня. «Может, поездом?» – раз пять спрашивал вчера. «Ага, конечно, – язвила я в ответ, – а чего поездом? Давай сразу на велосипеде!»

Нехорошо, конечно, так шутить. Но надоедает, что по сто раз одно и то же повторяют. Когда у меня вырастут собственные дети, я не буду за них так волноваться. Я буду им доверять!

Мы подошли к стойке приёма багажа, встали в очередь за пожилой парой: она – с бумажной книгой в руках, он – с электронной, в коричневом кожаном чехле. Время от времени он поглядывал на очередь и что-то шептал, а она кивала, не отрываясь от чтения.

Я полезла в рюкзак, чтобы достать паспорт и распечатанный посадочный талон – Беатрис накануне по скайпу посоветовала зарегистрироваться на рейс заранее. Паспорта в рюкзаке не оказалось. «Паспорт тоже волнуется, не хочет лететь и прячется», – усмехнулась я про себя и сунула руку в другой карман.

Тут мне стало не до шуток. Паспорта не было и там. Я зажмурилась, пытаюсь вспомнить: «Клала я его вообще в рюкзак или нет?» А если нет, то?..

По спине побежали ледяные мурашки, словно кто-то высыпал за воротник целый совок мелких льдинок из морозилки.

Стараясь не смотреть на родителей, я осторожно потянула молнию наружного кармана... Паспорта и там не было!

Вдруг стало трудно дышать. Такое бывает только в кино. Я вспомнила: утром паспорт и посадочный талон лежали на кухонном столе возле бутылки с йогуртом. Посадочный – белый. Паспорт – тёмно-красный. Я открыла его, заглянула внутрь. Расстроилась из-за неудачной фотографии. Потом мы начали препираться с мамой из-за йогурта. Я сказала: «В самолёт нельзя с жидкостями!» А она: «По дороге выпьешь!» Спорить времени не было, и я сунула холодную бутылку в рюкзак. Она до сих пор тут. А вот положила ли я паспорт?!

Дышать с каждой секундой становилось всё труднее. Будто взяли и выкачали воздух из всего аэропорта. Специальной воздуховыкачивающей машиной. Я снова полезла в рюкзак. Пальцы горели, словно я их обожгла.

– Маш! – сипло сказала мама, потом откашлялась и добавила: – Ты паспорт ищешь? Я вытащила. К себе переложил. Чтобы не потерялся.

Я набрала воздуха в грудь.

– МАМА!

– Что? – удивилась она.

– Мама, ты... Ты... Вот почему...

Слов не хватало.

«Я точно буду доверять своим детям!» – поклялась я мысленно.

– Может, всё-таки на поезде? – невесело улыбнулся папа.

– А где та девочка? – вдруг вспомнила мама. – Ты ведь не одна летишь! С тобой ещё девочка. Беатрис же говорила!

– Найду, как долечу, – пожала я плечами.

– Нет, надо найти её здесь!

– Как ты её найдёшь? Думаешь, тут разгуливает девочка с табличкой «Лечу в Барселону с Машей Молочниковой»?

– Нет, – упрямо повторила мама, – надо найти сейчас! Вдруг она уедет раньше тебя? А ты не найдёшь нужный автобус!

– Спасибо за веру в мои силы!

– Не ёрничай. Тебе же Беатрис говорила, что эта девочка уже была в Барселоне два раза. Надо её найти!

– Я не хочу, – пробормотала я.

На самом деле мне хотелось познакомиться с этой девочкой. Но с другой стороны, я так редко бываю одна. Я то с родителями, то в школе. Мне хотелось проверить, как это – отвечать самой за себя, всё самой контролировать.

С мамой из-за паспорта я ругаться не стала, потому что знала: в конце концов родители уедут, а я отправлюсь в салон самолёта, самостоятельная и взрослая. И родители не будут давить на меня своим мнением. А при них я как будто всё время смотрю на мир их глазами... Так ничего сам и не разглядишь.

Правда, у меня было подозрение, что стоит мне остаться одной, как я не стану разглядывать мир, а поскорее выберусь в «Фейсбук» или «ВКонтакте». Или музыку буду слушать.

Но мне хотелось сперва пройти над пропастью окружающего меня мира по узкой тропинке одиночества (вот завершила!). Короче, не нужна мне сейчас была эта девочка-путешественница!

– Вон там у стойки какая-то барышня, – указал папа и добавил: – Ругается на весь аэропорт!

– Её зовут Марина, – вспомнила мама. – Давайте спросим, это она?

– Попробуй, если сможешь её перекричать, – усмехнулся папа.

Девушка и правда очень громко возмущалась, махала руками и что-то сердито доказывала, указывая на свой чемодан, обтянутый тканью тигриной расцветки.

– Я хочу гарантий! – донесли до нас её слова. – Гарантий, что мой чемодан долетит до Испании в целостности и сохранности! У меня в нём всё самое важное!

– Возьмите важное в ручную кладь, – пыталась её успокоить тётя за стойкой регистрации.

– Все семь пар туфель взять? – с презрением переспросила девушка. – И платья?

Папа фыркнул.

– Это не наша подружка, – негромко сказал он, – это моделька. Она точно не учиться едет. Загорать летит. По ней видно, что в голове только туфли да платье.

Но мне стало не до смеха. Девушка и в самом деле была одета первоклассно: короткое ярко-розовое платье, джинсовая куртка, римские сандалии, обвивающие ноги золотистыми ремешками. Волосы уложены в высокую причёску. Выглядела она так, словно собралась сниматься в триллере про самолёт с Лиамом Нисоном в главной роли. А меня мама убедила надеть в полёт спортивные штаны! С зелёными полосками сбоку. «Практично и удобно! Лететь долго, поспишь». Я не стала спорить, я же никогда не летала. Думала, люди наряжаются в самолёт только в фильмах...

Девуцу в конце концов успокоили. Она проводила долгим взглядом чемодан тигриной расцветки, схватила свои документы со стойки и развернулась к служащей спиной, не поблагодарив.

– Я спрошу! – рванулась мама.

– Не надо! – ахнула я, но не успела её удержать.

– Извините, – улыбнулась мама девице, когда та поравнялась с нами, – вы случайно не Марина?

– А что? – насторожённо спросила та, прижимая к груди небольшую сумочку из джинсовой ткани.

– Это Маша, – поспешно сказала мама, чуть вытолкнув меня вперёд, – Маша Молочникова. Вы тоже летите в Барселону учить испанский?

Девушка бесцеремонно осмотрела меня с ног до головы, потом перевела взгляд на очередь и протянула:

– Так вас до-олго ждать!

– Точно, – поддержала я и незаметно ткнула маму локтем в бок, – нас долго ждать. Мама, отпусти человека.

– Нет, там ещё одну стойку приёма багажа открыли, – заметила мама. – Маша, вперёд! Мариночка, а какой у вас номер места в самолёте?

– Шестнадцатый ряд, – буркнула девица.

– А место? – ласково настаивала мама.

Марина закатила глаза и протянула маме посадочный.

– Спасибо большое, – лучезарно улыбнулась мама, а меня пожурела: – Ну что же ты, я же тебе сказала: идём к новой стойке!

Я не торопилась: к новой стойке устремилась и пожилая пара со своими книжками. Однако мама, схватив меня за руку, обогнала их, слегка оттеснила и протащила меня вперёд.

– Зачем весь этот цирк? Зачем ты меня позоришь?! – прошипела я ей на ухо.

– Затем! – яростно отвечала мама. – Чтобы моя дочь добралась до семьи этой Рибаль или Рабаль, как там её, в целости и сохранности! Чтобы ты не потерялась в своей Барселоне! Чтобы не заблудилась! Чтобы тебя не украли!

Я тяжело вздохнула. Положила документы на стойку и оглянулась на Марину. Она с недовольным видом посматривала на часы, висевшие над стойкой, а потом перевела взгляд на мою маму. Я тоже посмотрела на маму и только сейчас заметила, что она надела старые растянутые брюки и стоптанные кроссовки, в которых ездит на дачу под Зеленоград пропалывать бабушкины грядки. С какой насмешкой разглядывала мамин наряд эта противная Марина! Мне захотелось крикнуть ей, что мама умеет выбирать одежду. Это вообще её профессия! К ней люди за советом приходят, что с чем сочетается. А сейчас она так выглядит от волнения! Переживает за меня сильно, вот и надела первое, что попало под руку.

Но я понимала, что оправдываться глупо. Скажешь такое – Марина только расхохочется.

– Мам... Мне она не нравится. Какая-то вредная.

– Конечно, ведь её родители не провожают, – отмахнулась мама. – Вот и важничает.

Я покачала головой. Ну конечно, какое ещё объяснение найдётся у мамы! Но я не сдавалась:

– Она смотрит на тебя.

– Кто?

– Да Марина эта. Ей смешно, что у тебя... что ты... твои кроссовки.

– Пусть смеётся! – весело ответила мама. – Пусть только тебя не бросает. Девушка, а можно нам место у окошка? То есть не нам, а девочке моей. Будьте так любезны... В первый раз ребёнок летит.

Я чуть не разревелась от обиды на маму. Но что было делать! Наконец мой чемодан поехал по багажной ленте, мама забрала мой новый посадочный талон – твёрдую картонку вместо распечатанного листика – и вложила мне в паспорт.

– Сохранишь потом на память, – сказала она дрогнувшим голосом.

Вот только ещё расплакаться ей не хватало перед этой Мариной. А она ждала нас, изображая ангельское терпение, хотя видно было, что её переполняет совсем не ангельское раздражение.

– Дальше вас всё равно не пустят, – сказала она моим родителям, – там паспортный контроль!

– Тогда давайте здесь простимся? – предложил папа.

Он потрепал меня по плечу:

– Ну, Машуль. Звони, как доберёшься. Ну, или эсэмэску пришли.

Папа – молодец. Сразу понял, что не нужно сейчас сантиментов. А мама... О нет... Она что-то принялась искать у себя по карманам, потом стала меня зачем-то ощупывать, схватила за шею, прижала к себе и спросила громким шёпотом:

– Тебе никуда не надо? В одно место, а?

– Мама!!!

– Ань, пойдём, – позвал папа, смущённо глянув на Марину.

– Подожди! – отмахнулась мама. – Я бутербродик же сделала! Перед полётом съешь! С докторской. Там два, поделишься с подру... с Мариной! Хорошая колбаса, спецех делает, стоит дороже мяса.

Если бы можно было провалиться сквозь землю, то я бы это сделала с огромным удовольствием.

– Анют, ты им ещё кастрюлю борща предложи с собой взять, – попытался шутить папа. – Они современные девицы. Найдут, где перекусить.

– Нас покормят в самолёте, – добавила Марина таким же тоном, как Роза Васильевна, когда та что-то объясняла Дане.

Теперь она смотрела на маму не с презрением, а с жалостью. Вот, типа, деревня... Я едва-едва сдерживала слёзы. Только не из-за расставания с родителями, а от стыда и ярости! Честное слово, мне даже в Испанию ехать расхотелось. Серьёзно! Настроение – хуже некуда.

Надо же было маме испортить ВСЁ своим дурацким бутербродиком!!!

Глава 2

В зале ожидания

Марина пахла персиками.

У неё были такие духи – с густым синтетическим запахом персиков. Наверное, сочинитель духов колдовал над составом и думал: «Здорово, что я создал такой аромат! Пусть он напоминает людям о южных садах и тёплых ночах, о раннем сентябре и о сочных плодах».

Ну, не знаю, не знаю. У меня этот запах вызывал тревогу, как и сама Марина. Шагать или сидеть с ней рядом было неудобно. Она подавляла своим превосходством. Невольно я принялась сравнивать её с собой. Не в свою пользу.

У меня – спортивные штаны и кроссовки, честно прошедшие два года занятий физрой, с пожелтевшими носами и шнурками, которые сплелись в такие крепкие узлы, что развязать не получалось и приходилось вдевать ноги в кроссовки, как в галоши. У неё – мини-платье и блестящие римские сандалии. У меня – коротко обрезанные ногти, которые я забыла покрыть прозрачным лаком; у неё – маникюр со стразами. Но дело было даже не в ногтях и сандалиях, дело было в презрительно-брезгливом взгляде, которым Марина окидывала всех окружающих и меня заодно, в поджатых губах, в тягостном молчании.

Мама сказала, что Марина важничает сейчас, потому что родители не провожают её и она будто бы совсем взрослая. То есть вообще-то она милая? Ох, мама, ты ошиблась. Марина вела себя так, будто я – её болонка, которая должна молча семенить рядом, а она будет только указывать мне подбородком, куда идти. Самое ужасное было в том, что я сама всё ниже опускала голову, переходила на муравьиный шаг, чтобы не обгонять её, и вот-вот была готова спросить: «Хочешь, я понесу твою сумочку?»

Почему, почему она так действовала на меня? Я же выше её на целую голову! Почему у меня такое чувство, будто на меня набросили сетку и тащат неведомо куда?

– Сядем! – велела Марина и заняла последнее свободное место в ряду кресел. Достала телефон и принялась листать сообщения. Тот факт, что с ней рядом свободного места не оказалось, Марину не беспокоил.

Я огляделась. За Мариной расселась семья. «Французы», – сообразила я, услышав их мелодичную речь. Родители были заняты своими делами: папа сидел с планшетом, мама куталась в палантин. Трое их малышей всё время перебегали с места на место. Когда один из них подбегал к матери, она рассеянно целовала ребёнка в макушку и продолжала кутаться так, словно всё вокруг замело снегом. Меня поразило, что мать этого почтенного семейства даже не обращала внимания, кто именно из детей к ней подбегал. Гладила по голове, целовала и отпускала. Интересно, а если я подбегу – тоже не заметит? А если я займу кресло, которое периодически освобождал самый младший малыш, то родители тоже не обратят внимания?

Я попробовала. Положила рюкзак на место малыша, который как раз спрыгнул и помчался к маме за законным поцелуем. Встала рядом и скорее достала мобильный. Что-то вроде «ничего не знаю, я никаких детей тут не видела». Но тут мне на ногу грохнулось что-то тяжёлое. Я ойкнула, едва не выронив телефон. Оказывается, французские дети вовсе не нуждаются в защите своих родителей! Они и сами могут за себя постоять. Когда вернувшийся малыш обнаружил на кресле мой рюкзак, он его решительно скинул. И родители, конечно, не обратили никакого внимания! Никаких тебе «уступи тёте место, иди сюда, конфетку дам». Вот они, особенности национального характера! Уже навалились на меня, хотя я ещё и родную Москву покинуть не успела.

Я через силу улыбнулась малышу (он недоверчиво вскинул брови) и поглядела на ряд кресел напротив. Там, сложив руки на груди, натянув повязку для сна и прикрывшись корот-

ким цветным пледом, напоминавшим половик у нас на даче, спал индеец. Он снял кроссовки и выставил на сиденье кресла ноги в ослепительно белых носках. Единственное свободное место в ряду было как раз рядом с этими носками. Я вздохнула. Кто знает, какие у этого дяденьки особенности характера. Сядешь рядом с таким, а он тебе ноги на голову положит.

Выходило, что я могу либо стоять рядом с Мариной, либо усесться на столик, который был прикреплен к её креслу. Я села. Рюкзак я сбросила и положила перед собой, но об него всё время спотыкались французские дети, которые решили расширить свой ареал обитания, так что я затолкала рюкзак под столик. Сама я возвышалась на этом столике, как огромный торт, который принесли в гости, да забыли в прихожей на тумбочке.

– Надо купить шоколадки! – сообщила Марина, оторвавшись от чтения переписки.

– Где?

– В дьюти-фри! Ты что, не знаешь, что это?

– Магазин? – неуверенно сказала я. – А там... там дорого?

– Какая разница? – удивилась Марина.

– Ну как? – растерялась я. – Зачем переплачивать... У меня есть с собой шоколадка. Хочешь, угощу?

– Какая?

– «Алёнка».

– Уже скучаешь по родине? – хохотнула Марина. – Надо было и бутер с докторской колбасой взять, чего ты отказалась!

У меня даже мурашки по спине побежали от смущения. Ох, мама, мама... На секунду страстно захотелось стать такой же уверенной в себе, как Марина. Разбираться в том, что круто, а что нет. Смотреть на людей сверху вниз.

Правда, за дорогой шоколадкой идти всё равно не хотелось. Жалко было денег.

– Идёшь со мной? – усмехнулась Марина.

– Внимание! – послышалось из динамиков. – Объявляется посадка на рейс...

Я с облегчением выдохнула, нагнулась и вытащила рюкзак из-под столика.

– Не успеваем... Пора искать выход на посадку.

– Нет, я хочу шоколадку-у! – капризно протянула Марина. – Мы же зарегистрировались. Без нас не улетят.

– А вдруг остальные уже в самолёте? – с сомнением сказала я, глянув на французов. – Вдруг там маленькие дети? Нехорошо заставлять людей ждать.

– Не развалятся, – отмахнулась Марина.

– Я всё-таки пойду поищу выход, – робко сказала я, чуть не добавив: «Можно?»

У неё мелькнуло во взгляде что-то насмешливое. Как будто она хотела обозвать меня скрягой или трусихой, но передумала.

– Ладно, иди, – разрешила она, легко поднимаясь с кресла.

Как только она ушла, я испытала облегчение. Словно меня выпустили из заточения разбойники или пираты.

Сразу захотелось рассмотреть всё вокруг, не отвлекаясь на мысли о Марине. Какой просторный, красивый этот зал ожидания, как много в нём солнца. И люди такие радостные, переговариваются в ожидании своего рейса, предвкушают отпуск...

Я достала паспорт и посадочный талон и двинулась к выходу, номер которого объявили из динамиков.

Когда я уже заняла место в конце длинной очереди, то заметила у окна девушку. Она сидела, сложив ноги по-турецки, прямо на полу. На девушке были точно такие же спортивные штаны, как у меня, только с фиолетовыми полосками, а на коленях – развёрнутая фольга, на которой лежал надкусанный бутерброд с колбасой.

Я опешила. Значит, в мамином предложении не было ничего особенно позорного?! И в штанах тоже? Всё дело было только в том, что мне «повезло» и моим товарищем по поездке стала не эта славная девушка, которая ест бутерброд и улыбается мальчику, катающему перед ней на своём чемоданчике плюшевого медведя, а недовольная всем на свете Марина?

Во рту стало горько, как в тот августовский день на даче, когда мы с Катей, моей тётёй, раскололи папиным молотком две косточки от персика и съели по едкому ядрышку. Долго потом плевались, а Катя вычитала, что в этих зёрнах даже содержится какой-то яд...

«Может, Марина переключится на кого-то другого и забудет про меня там, в Барселоне? – с тоской подумала я. – Или мама права? И лучше хоть кто-то рядом, чем совсем никого?»

Глава 3

Какого цвета облака?

– Шестнадцатый ряд, место F! – объявила мне стюардесса и, поправив кокетливую пилотку, добавила заговорщицким тоном: – У окна, но не над крылом! Повезло, всё будет видно.

Я улыбнулась в ответ. Отлично! Буду всю дорогу смотреть в окно, читать или спать.

Нет, спать не буду! Я первый раз в жизни на самолёте лечу. Надо обязательно запомнить все подробности. Во «ВКонтакте» мне как-то попала подборка фотографий, сделанных из-за стекла иллюминатора. Облака тянулись за окном гигантскими снежными полями с холмами и барханами, но больше всего меня изумило то, что некоторые облачные горы были жёлто-оранжевыми, а по каким-то и вовсе гуляла радуга! Вдруг я тоже увижу такую радугу?

Ещё было интересно, какая на вкус самолётная еда. Те, кто летают часто, говорят, что гадость. А те, кто редко, только и ждут встречи с этой едой. Потому что для них с тёмного-синего пластикового подноса, заполненного коробочками разной формы, начинается отдых. Это я тоже в интернете вычитала.

Осторожно пробираясь к своему ряду, я вспомнила о книге, которую взяла с собой. Надо было достать её, прежде чем я уберу рюкзак на полку для ручной клади. Или лучше затолкать его под сидение впереди стоящего кресла? Погружённая в раздумья, я сбросила с плеча лямку рюкзака и вдруг услышала:

– Пропустите! Да пропустите же!

Этот раздражённый голос легко было узнать. Я обернулась, намереваясь сказать Марине, что я нашла наши места, но она зачем-то ухватила меня за плечо, оттеснила назад и с трудом пролезла прямо передо мной. «Не узнала?» – опешила я и позвала:

– Марин...

Она не обернулась. Ухватившись за спинку кресла, завернула к нашему ряду и села на моё место! Место F! У окна. Я замерла.

– Девушка, садитесь, пожалуйста, – попросили пассажиры за моей спиной.

– Да, да, – промямлила я и, забыв вытащить книгу, села на место E.

Посередине. Ни то ни сё. Слева подпирают, справа подпирают. И, словно в подтверждение моим мыслям, с краю уселся полный дяденька в клетчатой рубашке, которая едва ли не расходилась на его гигантском животе. Он выдохнул и вытер лоб платком в точно такую же клеточку, как рубашка.

Дяденька тут же положил локоть на подлокотник. Марина давно сделала то же самое. Мне пришлось прижать локти к поясу, а рюкзак положить на колени.

Они сдавливали меня с боков, а я боялась даже взглянуть по сторонам. Это было нечестно, по-человечески нечестно! Одно дело, если бы мне досталось это среднее место случайно. Но мама специально попросила для меня место у окошка. Почему, почему я не могу заставить себя выговорить несколько простых слов: «Марина, это моё место!»

Вместо этого я сидела, уставившись на журнал о путешествиях, торчащий из кармана переднего кресла, и представляла себе внутренний мир человека в виде географической карты.

Выходило вот что. На моём плане были такие точки, как Маринин Локоть и Локоть Полного Соседа. А на картах Марины и дяденьки не было даже и тени, напоминающей о существовании Маши Молочниковой. С этим надо было что-то делать. Но возмущаться и отстаивать свою позицию я не умела. Оставалось терпеть.

Марина тем временем попыталась разложить столик. Она крутанула задвижку первый раз, второй. Столик заело. Марина пробормотала что-то по поводу неудачного места и, сжав

пальцы в кулак, стукнула по столику изо всех сил. Я невольно заглянула в щель между креслами: как отреагирует пассажир впереди? Марина тем временем достала из сумочки толстую квадратную шоколадку, рванула на ней обёртку и принялась грызть. Похоже, в шоколадке было много орехов.

Я отвернулась. Раскрыла рюкзак и попыталась вспомнить, что я хотела из него достать. Хруст здорово мешал сосредоточиться. Даже полный сосед заинтересованно поглядывал на Марину. А самолёт всё никак не взлетал...

Я облизала губы. Конечно, мне страшно захотелось шоколадку. Но «Алёнка» была на самом дне рюкзака, придавленная сменой белья в целлофановом пакете и тапочками (мама уредила взять это всё с собой в самолёт: вдруг чемодан потеряется, и я смогу хотя бы футболку сменить), пеналом, планшетом, который дала мне Катя, чтоб я не тащила с собой ноутбук, наушниками и прочими необходимыми вещами. Сверху лежали только две книги. Первая – «Воздушные замки Каталонии», биография архитектора Гауди. Я купила её давным-давно, но времени прочитать всё никак не хватало. Вторая – толстая грамматика с обложкой цвета морской волны. Бабушкин подарок к моему отъезду.

Моя бабушка каждый год сама принимается учить новый язык. Говорит, что это держит в тонусе её память. И хотя к испанскому она относится с насмешкой (то ли дело китайский или японский!), всё равно снабжает меня кучей учебной литературы.

Это как раз бабушкина любимая часть изучения иностранного языка – закупка пособий. Она отслеживает новинки, читает литературные обзоры и даже завела себе электронную почту, чтобы ей приходили новости о скидках и акциях в книжном интернет-магазине. Вот и этот увесистый том грамматики стоил больше тысячи рублей, а бабушка как-то использовала несколько скидок сразу, да ещё и добавила бонусные баллы, которые ей начисляют за отзывы, и купила мне чудесный подарок. Я бы сама никогда не решилась потратить столько денег...

Правда, папа шутит, что все эти скидки и акции – ерунда, в магазине нарочно сначала взвинчивают цены, а потом снижают до нормального уровня и называют это «акция». Но бабушку не переубедишь. «Тут два автора из трёх – испанцы! – со значением произнесла она, вручая мне книгу. – Знаешь, как трудно найти такой же монументальный труд по китайскому, да ещё и чтобы носитель написал? Продаются сплошные „Китайский для чайников“ да „Китайский – легко!“ А в них какой базис? Какая основа?»

Подумав, я выбрала для чтения в самолёте не биографию, а грамматику. Если Марина увидит, что у меня есть книга про испанского архитектора, то поднимет на смех. Скажет, что такие книги сразу выдают неопытного туриста. Как если бы иностранцы, которые едут в Россию, стали бы по дороге читать книги о матрёшках.

Так что я вытащила толстенный том. Погладила глянцевою обложку и снова подумала о бабушке. Наверное, мой интерес к иностранным языкам – от неё. Вот бы ещё унаследовать капельку её упрямства и умения стоять на своём...

– Только не говори, что ты будешь сейчас это читать! – вклинился в мои размышления капризный Маринин голосок.

– Почему нет? – пожала плечами я и наугад открыла грамматику.

«Особенности употребления количественных числительных». Что ж, повторю числительные. Вполне себе базис.

– Ты едешь в Барселону учиться? – со смехом спросила Марина.

– Да, на летних курсах в колледже, – с недоумением ответила я.

На секунду у меня мелькнула нелепая мысль-надежда: может, всё это ошибка? И она не та Марина, которая будет учиться со мной?

– А ты зачем едешь?

– Закупаться красивой одеждой, танцевать в клубах, загорать, плавать, тусоваться, – загибала пальцы Марина, – и крутить романы с парнями из колледжа. Зачем же ещё?!

– А денег не жалко? – тихо спросила я. – Тех, что за учёбу заплатили?

Марина смеётся.

– Жить надо на широкую ногу и с удовольствием, – поучительно сказала она, – а не думать про каждый рубль. Точнее, евро.

Я промолчала. Я не могла не думать про каждый рубль. Потому что каждый рубль, потраченный на оплату учёбы в Испании, я заработала сама. Но я стесняюсь признаться в этом. Мне кажется, Марина сочтёт, что это не круто.

– И к чему тащить с собой такой талмуд? – продолжала насмешничать Марина. – Это прошлый век. Нам дадут распечатки по грамматике.

– Тут авторы – испанцы...

– А в Барселоне, ты думаешь, китайцы курс по грамматике составляют? – захохотала Марина.

– Эта книга – бабушкин подарок! – вырвалось у меня.

– О, простите, – ухмыльнулась Марина, – теперь я поняла, кто твоя ролевая модель! Твоя бабушка!

Я отворачиваюсь. Ещё секунда – и я уткнувшись в пухлую руку дяденьки-соседа и зарыдаю в голос. Как же она меня достала! Но Марина внезапно сменила тон:

– Ой, ну чего ты надулась, не сердись. У меня паршивый характер, я и сама знаю. Люблю подкалывать. Не дуйся!

Это полная неожиданность. Так же, как и то, что она погладила меня по руке. От её признания мне стало немного легче. Захотелось объяснить ей и то, что у меня удивительная бабушка (каждый год – новый иностранный язык!), и то, что я люблю её, но я опять промолчала. Опасалась новой волны подколов.

– Не хмурь лоб, морщины будут, мальчики не полюбят, – продолжала увещевать Марина, всё так же поглаживая меня по плечу. – Разве бабушка тебе об этом не говорила? Всё, всё! Умолкаю! Хочешь шоколадку?

Этой простой фразы мне хватило, чтобы мгновенно раскиснуть от радости, распуститься, как сливочному маслу в кастрюльке. Я прикрыла книгу, вложив в неё ладонь, как закладку, развернулась и увидела на столике несколько кусков шоколадки со странными дырками внутри.

– Ешь, не стесняйся, – кивнула мне Марина, – я просто сам шоколад не люблю. Только орехи выгрызаю. Так что ешь смело!

Моя улыбка увяла.

– Спасибо, – пробормотала я, – не люблю сладкое.

И снова уткнулась в книгу. «Числительные *ciento, mil u millón* имеют формы множественного числа *cientos, miles* и *millones*, когда употребляются в значении существительных». «Например, сотни ядовитых улыбок, – думаю я, – тысячи насмешек, миллион издевательств».

Тем временем Марина вытащила из оттопыренного кармана кресла журнал. Обложка оказалось помятой, да и сам журнал имел потрёпанный вид. Марина что-то недовольно пробормотала и, не спрашивая моего разрешения, сунула руку в карман кресла передо мной. Выудила ещё один журнал, придирчиво осмотрела. Потом вернула первый на место, а мой раскрыла и принялась быстро листать. Насколько мне позволяло судить боковое зрение, притормаживала Марина только на рекламе.

Вдруг она больно ткнула меня локтем. Я покосилась на неё. Марина улыбалась. У неё оказались острые чуть выпирающие клыки. Не как у вампира, конечно. Но улыбка выходила отчасти хищной.

– Смотри, какие крутые!

Речь шла о часах. Я пожала плечами.

– Я не разбираюсь в часах.

– А что в них разбираться? – удивилась Марина. – Это как произведение искусства. Как «Мона Лиза». Смотри себе, и всё.

– Угу, – кивнула я.

– Ты не смотришь, – упрекнула Марина.

– Да, мне просто...

Я задумалась, как бы лучше сформулировать мысль, чтобы избежать подколов, но при этом продемонстрировать, наконец, что я вообще-то думающий человек, и не надо судить обо мне только по кроссовкам с пожелтевшими носами.

– Неинтересно? – помогла Марина.

– Дело не в этом, – покачала я головой, – трудно объяснить.

– Конечно, куда нам, туповатым, ваше высочество понять, – усмехнулась Марина и отвернулась.

– Почему «туповатым»? – смутилась я, но Марина выставила ладонь, мол, не отвлекай, я занята.

Она изящно оттопырила мизинец, и выглядел её жест так, словно знатная дама отказывает в аудиенции дворнику с метлой.

Её перепады настроения ошеломяли. То возносит тебя на Эверест, то сбрасывает в Марианскую впадину.

Мимо нас прошла стюардесса, попросила Марину убрать откидной столик, меня – сунуть рюкзак под кресло, а полного соседа – пристегнуться. Я сразу выполнила просьбу. Сосед долго, ворча, возился с ремнями. Марина сделала вид, что просьба убрать столик относилась не к ней. Она всё листала и листала журнал. Я же следила за стюардессой, которая наклонялась то вправо, то влево, с улыбкой обращаясь к пассажирам. Мне стало жалко её (сколько же сил она тратит на каждого пассажира!), и я, протянув руку, сама захлопнула Маринин столик.

Стюардесса тем временем достала какой-то чемоданчик, открыла его, извлекла кислородную маску и принялась объяснять, как ей пользуются. Я всё ждала, когда же у неё свалится пилотка, но, как бы она ни наклонялась в разные стороны, пилотка крепко сидела на голове, из чего я сделала вывод, что она приколоты к причёске булавками-невидимками.

Самолёт загудел, разгоняясь. За окном замелькали здания, фонари, деревья, кусты.

Сосредоточиться ни на объяснениях про экстренную посадку на воде, ни на количественных числительных не получалось. Я захлопнула книгу.

– Понимаешь, – обратилась я к Марине, – мне нравятся красивые дорогие вещи. Но когда речь идёт о часах за тысячу евро...

– За десять тысяч, – поправила меня Марина.

– Тем более. Понимаешь, часы нужны для того, чтобы узнавать время. А время – это то, что живёт у нас в голове. Когда ты смотришь на часы, то тебя интересует не то, сколько бриллиантов украшает стрелку, а время. То есть ты в эту секунду думаешь о том, что ты успеешь сделать, а что – не успеешь. Понимаешь? Разница с «Моной Лизой» огромная. Люди приходят смотреть на неё и вдохновляться. Радоваться. Погружаться в свои размышления и переживания. А на часы смотрят по другой причине.

Я вздохнула с облегчением. Наконец-то удалось сформулировать то, что носилось в голове, как стайка перистых облаков по майскому небу. Мне показалось, что Марина слушала с интересом. Может, она наконец поняла, что меня можно не только подкалывать?

– Если у тебя нет денег, чтобы даже смотреть на эти часы, так и скажи, – заявила Марина. – Чего мне мозг взрывает?

Повисла пауза. Душная и мрачная, как дым над дачным костром. Так тебе и надо, Машенька... Объясняй, делись мыслями. А в тебя потом плеснут, как горячим кофе, обидными словами, и сиди себе. Обсыхай.

Самолёт взлетал. Стюардесса собрала кислородную маску и жилет в чемоданчик, усе-лась на кресло возле аварийного выхода и быстро пристегнулась. Свет в салоне погас, горе-ли только таблички «Пристегните ремни» и «Не курить». Сосед нажал на какую-то кнопку над головой, и повеяло прохладой. И даже немножко сыростью.

Всё вместе – и темнота, и холод, и гул – слились воедино, в одну полосу, как деревья за окном взлетающего самолёта, и унесли меня в далёкое детство, в ту горную пещеру под Ялтой, где мы заблудились с родителями. И я вспомнила ледяной, как стекающая по стенке влага, страх, который тащил нас вперёд, будто нить Ариадны. Мама толкала меня легонько в спину, приговаривая: «Да вон уже выход виден, не бойся, мы же с папой», а у самой в голосе был ужас, тёмный и мягкий, как чёрно-розовые крылья летучих мышей, гнездившихся под потолком.

Горло перехватило от жутких воспоминаний, даже глотать стало больно. Тут же заложило уши так, словно их набили ватой, как в том же Крыму, когда, перекупавшись, я заболела отитом.

Я зажмурилась. Сразу вспомнился папа с его фобией. Заодно в голову полезли и мамины страхи. Как я буду там справляться одна? А если я не пойму эту сеньору, к которой мы едем? А если на курсах мне будет трудно? А если я заблужусь на улице? Как же я спрошу дорогу, если все вокруг говорят по-испански?!

– А всё же свинство, что в салон нельзя пилочку маникюрную взять, – громко сказала Марина, ни к кому не обращаясь.

«Она ужасна, – подумала я, – но всё-таки... Всё-таки я буду там не одна».

Свет вскоре зажгли. Стюардесса принялась развозить напитки: воду и разноцветные соки в пластиковых стаканчиках, – а потом с помощью напарника, которого я мысленно именовала «стюард», хотя не была уверена, что это правильное слово, раздала подносы с едой. Но ощущение холода и сырости горного туннеля застряло у меня в горле и не проходило, сколько я ни пыталась запивать его кислым апельсиновым соком и заедать невкусным кексом с синтетическим ароматом клубники.

Цвет облаков в тот раз мне увидеть так и не удалось. Марина захотела спать и зашторила иллюминатор до самого конца полёта.

Глава 4

Разговор с таксистом

Как только стихли последние хлопки по случаю удачного приземления и на экране телефона возникло приветствие: «Добро пожаловать в Испанию!», я написала родителям: «Долетела». Представляю, как выдохнул папа. Зато мама начала волноваться: не заблужусь ли я...

– Чего торопишься? – лениво поинтересовалась Марина. – Сейчас вай-фай в аэропорту бесплатный поймает, и пиши сколько влезет.

Похоже, Марине хотелось контролировать не только те деньги, которые у меня имеются, но и те, что я трачу...

Я промолчала. От мамы тут же пришло: «С автобусом разобралась?» Очень хотелось ответить «Пока нет», но выслушивать очередной комментарий Марины про лишнюю трату денег? Нет уж, подожду вай-фая...

Вообще-то мы должны были жить в международном лагере. Однако в последний момент моя учительница Беатрис предложила проживание в семье, и родители меня уговорили. Мол, для языка полезнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.